

В.И. Молодых¹, Т.И. Леонтьева²

Владивостокский государственный университет экономики и сервиса
Владивосток. Россия

О концепте «грех» в китайской лингвокультуре

Статья посвящена изучению концепта «грех» в китайском этническом самосознании. В работе рассматриваются его национально-специфические особенности, характерные для китайского этносоциума. Данное исследование содержания, структуры и современного состояния греха как составляющей китаеязычной конфуцианско-даосско-буддийской картины мира выполнено в рамках когнитивно-дискурсивной парадигмы, на базе методологических посылок которой выделены содержательные характеристики концепта «грех» в картинах мира представителей русской и китайской лингвокультур, определены средства вербализации концепта «грех» в современном китайском языке; установлены средства его актуализации в художественном дискурсе.

Ключевые слова и словосочетания: концепт, этнолингвистические различия, ментальность, чувство вины, грех, этические нормы, сохранение лица.

V.I. Molodykh, T.I. Leontieva

Vladivostok State University of Economics and Service
Vladivostok. Russia

On the concept of «sin» in chinese linguoculture

The purpose of this paper is to provide a complex, systematic description of the Chinese concept «sin», including its content parameters and verbal and non-verbal representation. Detailed analyses of this concept in all its manifestations have not been made yet, so the study of its semantic, lexical, syntactic and stylistic peculiarities will be a good contribution to this issue. The methodology of the analysis involves the origin of this phenomenon, people's attitude to religious understanding of it, and a survey of the triad: sin, guilt, requital. But first of all, we deal with Chinese mentality and get acquainted with the widely spread religion of the Chinese – Confucianism. The latter is still strong in the Chinese nation. It is argued in the article that Western influence on the culture and particularly literature is baneful because it brings fatal traits to peaceful, hard-working and well-wishing people of China. Western tendencies of capitalism planted on the Chinese soil aggravate the hearty relations between people, bringing in boorishness, suicides, indifference and even spite. Sin is becoming a trivial thing. Chinese literature created of late gives every proof of it. The method of cognitive and linguo-semantic analysis of Chinese literary discourse displays the real linguistic world-image of the Chinese nation, and reveals the mysterious soul of our Oriental neighbor. An attempt to follow the lapse of a sinful person through his/her communicative-pragmatic behavior has been made.

Keywords: concept, ethno-linguistic differences, the feeling of guilt, mentality, sin, ethical norms, keep the face.

¹ Молодых Валерий Иосифович – канд. филол. наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Института иностранных языков; e-mail: molodvaleri@mail.ru

² Леонтьева Тамара Ивановна – канд. пед. наук, доцент кафедры межкультурных коммуникаций и переводоведения Института иностранных языков; e-mail: tamara.leontieva@gmail.com.

Грех – обычен, но не следуй ему; добродетель – обычна, но не пренебрегай ею.

(Китайская поговорка)

Страдание – следствие греха, знак греха и вместе с тем искупление греха и освобождение от него.

(Николай Бердяев)

Важнейшее культурно-эстетическое понятие «грех» является объектом изучения в ряде гуманитарных дисциплин: теологии, философии, психологии, социологии. В лингвистике, литературоведении и лингвокультурологии как раздельное, так и комплексное описание китайского концепта «грех» в единстве его содержательных параметров и вербальной репрезентации практически отсутствует: недостаточно исследованы семантические характеристики лексем, именующих это понятие, его структура, средства метафорической и метонимической номинации, эволюционные изменения и др. [9; 10]. Значительное число этнолингвистических работ сосредоточено на поиске концептуальных межъязыковых различий и, в частности, на сравнении «ключевых слов» разных языков (понятие, введенное А. Вежбицкой) – слов, которые являются особенно важными выразителями главных ментальных особенностей носителей того или иного языка [3]. В последние годы список ключевых слов ряда национальных языков значительно расширяется за счет включения в него таких важных языковых единиц, как дух (душа), сердце (душа), совесть, воля, жалость, обман и др.

Мысль о глубоком влиянии этнолингвистических различий в менталитете на формирование культурно-языковых концептов и, в конечном итоге, на природу и специфику межкультурных несоответствий и трудностей в межкультурной коммуникации выражена в статье В.Ю. Апресян: «Существование глубоких различий в менталитете, обуславливающих несходство в восприятии и поведении, очевидно не только для ученых-антропологов или лингвистов, их влияние распространяется далеко за рамки научных исследований» [1, с. 20]. Не менее ценной является и мысль о том, что для более полного и объективного исследования необходимо также учитывать отчасти некоторые универсальные биологические свойства, а отчасти появление и развитие тенденции размывания четких этнокультурных и этнолингвистических противопоставлений. В известной книге замечательного отечественного китаевода Н.А. Спешнева успешно реализован как раз такой научный подход, при котором на первый план выносятся особенности национального менталитета китайцев, сосредоточенные на раскрытии концептуальных межъязыковых и межкультурных противопоставлений [12].

В связи с этим приведем лишь один конкретный пример. Известно по трудам многих отечественных и зарубежных ученых и путешественников, что, до того как открыть для себя западный мир, китайцы отличались особым трудолюбием, покладистостью, честностью, доверчивостью, наивностью и т.д. Однако по мере развития экономических связей и межкультурного обмена некоторые существующие этнопсихологические особенности в традиционном поведении китайцев стали постепенно стираться и приобретать универсальный характер. Так, в последнее

время в КНР всё чаще стали говорить и писать о широко распространенном в обществе пагубном явлении – обмане и его различных разновидностях. При этом у многих иностранцев выработался известный стереотип: *китайцы – лгуны, обманщики, ненадежные партнёры и пр.* Странники такой точки зрения на самом деле не учитывают отношение китайцев к обману/лжи с позиции этических норм и ценностей, выработанных в Китае на протяжении его многовековой истории. То, что у русских признается достойным поведением – говорить правду, поскольку всякая неправда грех, у китайцев может расцениваться как наивность, слабость, непрактичность, глупость. А отсюда – готовность китайцев идти на все, чтобы «сохранить свое лицо». Эта особенность китайского обмана дополняется к тому же важностью для их мышления категории «стратагемность мышления» [15].

Не претендуя на глубокие философские выводы, данная статья ставит куда более скромную задачу – описать базисные смысловые составляющие концепта *грех*, представленные в китайской народной традиции, через семантические толкования в китайских словарях, цитаты, мотивы и поведенческие реакции главных действующих героев. Художественным материалом для исследования послужили тексты из современной китайской прозы на китайском и русском языках [2; 17].

Прежде всего, очень важно кратко остановиться на даосских, конфуцианских, буддийских верованиях, потому что они лежат в основе многих концептов китайской лингвокультуры. Конфуцианство – одно из трёх базовых традиционных учений Китая (наряду с даосизмом и буддизмом) во многом сформировало духовно-культурный облик современных китайцев. Согласно этому учению каждый человек должен знать свои права и обязанности, выполнять свой долг перед государством. Почтительность сына возводится в ранг наивысших добродетелей. Всякое неподчинение отцу считается главным грехом. По даосским заповедям грех – это дисгармония. Если в семье, на работе, в обществе существует дисгармония, это значит, что человек не живет в единстве с Дао. То, что мешает ему жить в гармонии с Дао, относится скорее к «эгоизму» (бездействию, целенаправленному ожиданию преобразований в греховных ситуациях без траты личных активных сил), чем собственно к «греху». И хотя в «Даодэцзин» имеет место прощение, но Дао не способно прощать. В буддизме понятие греха раскрывается в пределах идеи о карме. Хорошая карма помогает человеку освободиться от грехов и стать в следующей жизни божеством [16].

С точки зрения типологии дискурса принято, в частности, различать два основных типа – бытийный дискурс (представленный в художественных произведениях, философских трактатах, психологических сочинениях) и религиозный (реализующийся в трудах по религиозной тематике и насыщенный прецедентными именами). При описании китайского слова *грех* (罪 – *zui*, 罪孽 – *zuinie*) исследователь непременно сталкивается с весьма затруднительной ситуацией. Во-первых, слово 罪孽 – *zuinie*, в наибольшей степени соответствующее русскому религиозному слову *грех* в смысле морального зла, беззакония, нарушения божьих заповедей, встречается в составе немногочисленных стандартных сочетаний типа: 罪孽深重 – тяжелый грех, 有罪孽的人 – грешник, 罪恶的一生 – грешная жизнь, 想进天堂, 但罪孽太深,

进不了 – рад бы в рай, да грехи не пускают, 罪孽不同, 死时的痛苦也不同 – смерть по грехам страшна и т.д. Во-вторых, китайская и русская концептуализации греха радикальным образом различаются. Дело в том, что русское слово грех описывает широкий и подробный круг чувств, действий и ситуаций, а в китайском языке аналогичное слово с широким значением отсутствует, что требует самых разных переводных эквивалентов в зависимости от контекста. Сравните: над старостью смеяться грех – 讥笑年老是很不应该的 (дословно: не следует смеяться над старостью); 东西收藏好, 别引小偷上门 – клади вещи на место; не вводи вора в грех (дословно: клади вещи в надежное место, дабы избежать встречи с вором); 应该承认是我的过错 – что греха таить – виноват (дословно: следует признать свой промах); 自己承担过失 – принять на себя грех (дословно: самому признаться в просчёте) и т.д.

Древнекитайское слово *zui* (грех, преступление) записывалось иероглифом 罪. В современном языке оно сохранилось в составе фразеологических единиц: 死有余罪, 千古罪人, 罪加一等, 无形之罪 и т.д. По-видимому, в связи с изначальными концептуальными различиями между китайскими словами 罪, 罪孽 и русским грех существует семантическая асимметрия. Проводя далее параллель с русскими эмоциональными концептами типа «жалость», с нейропсихологической точки зрения можно предположить, что носители русского и китайского языков при одних и тех же ситуациях и стимулах испытывают разные чувства [1, с. 23]. Как показывают исследования В.В. Сайгина на материале Национального корпуса русского языка, специфика русской национальной концептосферы заключается в исторической устойчивости и целостности когнитивной модели «грех – покаяние – добродетель» [9]. Анализ многочисленного эмпирического материала, приводимого автором, позволяет утверждать, что «данная модель является значимой как в религиозном, так и во внерелигиозном, светском пласте русской национальной культуры». Наибольшей устойчивостью в русском языковом сознании характеризуется дихотомия «грех – покаяние»: Не согрешишь, не покаешься. Умей грешить, умей и каяться. Плод искреннего покаяния – победа над грехом. Согрешающих видим, а о кающихся бог весть. Концептуальная связка «грех – покаяние» помимо пословиц и афоризмов нередко встречается и в названиях отдельных произведений. Таким образом, русскому понятию грех не находится прямых аналогий в китайском языке. Далее проанализируем особенности употребления концепта *грех* на конкретных примерах из современной китайской художественной литературы.

В художественной литературе Китая в XXI веке появляется все больше произведений, в которых авторы описывают различного рода преступления, раскрывая психологию преступника, его чувство вины и раскаяние, или отсутствие таковых. Это, например, рассказы о наемных убийцах (Чжан Юэжань. Красные туфельки), или о попавшем в беду гражданине, который совершает убийство с целью смыть с себя позор и не навлекать его на своего любимого приемного сына (Цзян Фэн. Законопослушный гражданин), или о расследовании убийства детективом (А.И. Обычные люди), или самоубийстве человека, не вписавшегося в городскую жизнь (Сюн Юйцюнь. Без гнезда), или непредумышленном убийстве полицейского человеком с несостоявшейся судьбой (Ван Шиюэ. Грехи человеческие). Возникает

вопрос, чем вызван такой интерес к экстремальным поступкам людей, какими мотивами они руководствуются, идя на преступление, какова психология преступника. Кроме того, появляется убеждение в том, что на литературу Китая огромное влияние оказывает Запад с его порой упадническими настроениями, склонностью к суициду и пр. О таком влиянии писал еще Линь Юйтан в 30-х годах XX века [7]. На многие вопросы авторы данной статьи хотели бы найти ответ и изучить проблему греха (преступления) на материале китайской действительности и, по возможности, сравнить проблемы китайцев с похожими проблемами русских в этом направлении.

Тот факт, что добродетель существует, является общепризнанным и самоочевидным. В русской православной религии, тем не менее, считается, что родившийся ребёнок уже грешен, ибо был зачат в грехе [14, с. 79]. Более того, постулат «все мы грешны» сопровождает представителей русской культуры с детства. Что касается китайцев, то они часто задаются вопросом: «А почему?». Китайца, «не соприкасавшегося с этосом Евангелия, с его своеобразной и интеллектуальной атмосферой», такое утверждение ставит в тупик [5, с. 40]. Русское понятие «первородный грех» нарушает в китайской ментальности характерный для китайцев, исповедующих в основном конфуцианство, принцип детерминизма. Детерминисты полагают, что «все, что случается, представляет собой последовательность предшествовавших состояний вещей. Все, что человек делает в любой момент жизни, зависит от его прошлого, т.е. от его психологического наследства, а также от всего, что он до этого прошел» [6]. Конфуцианство основано на принципе детерминизма. Возникнув в VI в. до н.э., оно устраивает (и всегда устраивало) китайских лидеров, поскольку призывает граждан к соблюдению субординации. Часть китайского населения исповедует даосизм – ещё одно из основных направлений китайской философии. В основе религиозного вероучения даосизм – «поиски вечного счастья, достигаемого 10 добродетелями (сыновний долг, терпение, самопожертвование и т.п.) и соблюдение заповедей» [11, с. 150].

Итак, если в русской культуре человек изначально греховен, то в китайской грехом считается преступление против закона. «Китайское законодательство закрепляло систему субординации, подчинения правителю, а не содействовало установлению справедливости в обществе. Законы были направлены на то, чтобы обвинять и карать, а не исправлять осужденных» [4].

Русский человек всегда испытывает чувство вины «за все, в чем был и не был виноват», его так воспитывала школа, семья и православная церковь. В китайской действительности это не так. А если китаец совершает какое-либо преступление, одержим ли он чувством вины, стремится ли к раскаянию?

Обратимся к анализу литературных дискурсов из «молодой» китайской литературы. Первый текст, выбранный для выявления психологического состояния героя после совершенного им преступления, написан автором Ван Шиюэ и носит название «Грехи человеческие» [2, с. 46–81]. Главный герой рассказа судья Чэнь Цзэво в юношеские годы совершил подлог. С помощью любимого им дяди, занимающего высокое положение в обществе, он меняет свое имя на имя одноклассника,

успешно сдавшего экзамены в университет, и вместо него поступает учиться. Дядя позаботился о том, чтобы одноклассник его племянника не возбудил дела, просто заплатил ему, и настоящий Чэнь Цзэво вынужден прожить жизнь, полную лишений. В описываемое в рассказе время он попадает в полицию за торговлю с велосипеда, проходит через унижения, которым его подвергают полицейские – «каждый из них по очереди отвесил ему пощечину, а потом его привязали на солнцепеке на целый час, после чего велели убираться из города, иначе будут бить его каждый раз, как увидят» [2, с. 48–49]. В результате он совершает непредумышленное убийство (в его планах было лишь уколоть разок и убежать) того полицейского, который конфисковал у него велосипед, а ведь этот велосипед «кормил» его и его детей. Предстоял суд и, по иронии судьбы, вести дело поручили его квази-тезке Чэнь Цзэво, который окончил университет, продолжил свое образование в магистратуре престижного университета и получил степень магистра по специальности «Право». Понятно, что для него «этот процесс стал огромной неприятностью» [2, с. 50].

На первых же страницах рассказа автор представляет этого героя сверх меры довольным своим положением судьи и человеком, имеющим успешное лицо в обществе: «А в это время он, судья Чэнь Цзэво, стоит за голубой стеклянной стеной, куря и наслаждаясь прохладой кондиционера, и взирает на их жизнь, полную тягот и невзгод, так, словно она совершенно не имеет к нему отношения» [2, с. 51]. Ван Шиюэ для характеристики персонажа использует так называемый *historic present*, т.е. намеренно вводит настоящее грамматическое время в контекст рассказа, написанного в прошедшем времени, для того чтобы ярко представить бахвальство судьи своими достижениями, а также подчеркнуть полное отсутствие у этого человека чувства вины. Внутренняя речь героя полна счастливого довольства своим положением в обществе, что следует из описания обстановки помещения (*кондиционер, голубая стена*), а также глаголов, выражающих безмятежность (*стоит, взирает на их жизнь, курит и наслаждается* прохладой кондиционера). Противопоставление его жизни тяжелому существованию бедных работяг, обливающихся потом на стройплощадках, создается с помощью стилистического сравнения «словно она совершенно не имеет к нему отношения». Совершенно очевидно, что судья, укравший чужую жизнь, не испытывает никакого раскаяния, напротив, он позиционирует себя как успешный гражданин и вершитель судеб.

Согласно Э. Вернеру, в Китае традиционно уважают старших по возрасту, таким старшим другом стал для будущего судьи его дядя Чэнь Гэнъинь, воспитавший его и заменивший ему родителей. И племянник легко пошел на преступление, т.к. организовал его не кто-нибудь, а его обожаемый дядя. Автор рассказа с помощью внутреннего монолога лже-Цзэво раскрывает его низменную душу: «Он считал себя хорошим судьей. После получения степени магистра он начал работать юристом, а потом стал судьей в районном суде. Он постоянно анализировал свои поступки и полагал, что достоин носить на груди судейский значок» (Курсив наш – В.М. и Т.Л.). (他认为自己是一位优秀的法官... 硕士毕业之后他成为了一名律师, 之后在区法院担任法官一职。他通过自己的行为判断自己是否是一名合格的法官。)

Человека постоянно преследует желание быть признанным, в особенности человека, в чем-то ущербного. А судья Чэнь Цзэво является именно таким. Писатель вновь обращается к внутреннему монологу своего героя, т.е. речи, обращенной к самому себе, для создания архетипа человека низкой нравственной ценности. Для оправдания своей «чужой» жизни персонаж внушает самому себе, что он обладает немалыми статусными ценностями. На это указывает пропозициональный глагол «считал», аксиологическое определение «хороший», относящееся к актанту «судья». Автор создает картину коммуникативной непрерывности [13, с. 166] в данной ситуации путем перечисления важных моментов в жизни лже-Цзэво: *получение степени магистра, работа юриста, наконец, деятельность в районном суде*. Его внутренняя речь отражает стремление к успеху, признанию, славе, вероятно, эти мысли вызваны чувством страха быть разоблаченным, потерять лицо, доставшееся ему столь коварным способом, расстаться с сытой, благополучной жизнью. О желании утвердиться в собственных глазах в качестве привилегированного члена общества свидетельствуют пропозиционные глаголы *анализировал, полагал* и прилагательное *достойн*. Они свидетельствуют о жажде превосходства, о самоуверенности. Этическая пресуппозиция данной оценки состоит в признании собственной значимости: *достойн носить на груди судейский значок*.

В поведении квази-Цзэво главное качество – это трусость, бегство от правосудия, ложь в течение всей жизни после совершения преступления. До поры до времени ничто не смущает нашего героя, он живет полной счастливой жизнью.

В понятие *грех* обычный человек вкладывает следующие составные: страх, бесчестие, ложь, обман, умолчание и др. и, как результат, ожидается череда несчастий: потеря семьи, утрата смысла жизни, самоубийство, новые страхи и боязнь поделиться ими с кем-нибудь, крушение надежд.

Но вспоминается прекрасная русская пословица «Сколько веревочке ни виться, а конец будет». Мы застаем главного героя рассказа «Грехи человеческие» в момент, когда он узнает имя подследственного, которого он должен будет судить. На с. 50 читаем «...Но для судьи Чэнь Цзэво этот процесс стал огромной неприятностью. Потому что преступление, которое он совершил 20 лет назад, было тесно связано с нынешним делом. С самого начала он почувствовал беспокойство, переросшее в напряженное ощущение, что он сидит на пороховой бочке, готовой взорваться в любой момент, и никак не мог придумать, как предотвратить взрыв». (...但是对法官陈责我来说这是一个非常不愉快的过程。因为这次的案件牵扯他20年前的前科。他从刚开始心情平静演变成感觉坐在随时都会爆炸的火药车上的紧张情绪) Животный страх за свою судьбу одолевает судью, автор сосредоточивает наше внимание на физическом состоянии героя, его страх все увеличивается, и автор передает его с помощью стилистического приема нарастание. Он добивается этого с помощью использования глаголов, отражающих паническое настроение героя, а также сочетающихся с ними существительных, обозначающих изменения его состояния: *почувствовал беспокойство, переросшее в напряженное ощущение*. Следующее за этим авторским комментарием метафорическое выражение «сидеть на пороховой бочке» достигает вершины безумства лже-Цзэво, охваченного страхом потерять

не только лицо, но и жизнь. Семантическое поле страха усиливается за счет надвигающегося ужасающего взрыва, который невозможно предотвратить. Эмоционально-оценочная сфера, созданная автором, полностью разоблачает подлость персонажа, неспособного ни на чувство вины, ни на раскаяние, ни на добродетель. Есть только страх разоблачения да надежда на моральную удачу.

Писатель пользуется богатой палитрой средств характеристики главного действующего лица, а также его ближайшего родственника – дяди, нынче пенсионера, сыгравшего столь неблагородную роль в жизни своего племянника двадцать лет назад. Именно к нему обращается псевдо-Цзэво в момент безумного страха. Следует отметить, что дядя Чэнь Гэньинь знал, что произошедшее «постепенно стиралось из памяти племянника, он был доволен и спокоен» [2, с. 54]. Именно теперь, когда, казалось бы, все было в прошлом, ему пришлось ответить на телефонный звонок племянника. Этот диалог, в соединении с авторскими ремарками, добавляет еще один штрих к характеристике лже-Дзэво. Обратимся к тексту.

«Слушая кучу незначительных вопросов, которые задавал племянник, он понимал, что есть что-то важное, из-за чего он позвонил. Тогда дядя сам спросил, что случилось. Судья Чэнь Цзэво помолчал, а потом в общих чертах рассказал о деле торговца Чэнь Цзэво, а также о том, какое внимание уделяется этому делу в прессе и какую оно вызвало реакцию. Чэнь Гэньинь спросил после паузы:

– Какие у тебя идеи по этому поводу?

Чэнь Цзэво ответил, что решил все-таки быть председателем на этом суде. Тогда во время коллегиального суда он сможет произнести речь, а во время произнесения приговора смягчить наказание. В этом деле речь может идти как о немедленной смертной казни, так и о смертной казни, но с отсрочкой приговора. Чэнь Цзэво сказал, что для него это будет своего рода искуплением вины. Чэнь Гэньинь попросил племянника продолжать. (陈责我说这是自我赌罪。陈赓银让外甥继续说。)

– Это дело слишком щепетильное, – произнес племянник, – несомненно, на суде будут присутствовать журналисты. Судью зовут Чэнь Цзэво, подсудимый – тоже Чэнь Цзэво, это тоже окажется в фокусе их внимания. Я боюсь... (外甥说,这件事情要慎重对待,因为到时候肯定会有记者来法院参加庭审。法官叫陈责我,被告人也叫陈责我?这会引起他们的注意。我害怕……)

Чэнь Гэньинь молчал. Через какое-то время он произнес:

– Все, что у тебя сейчас есть, досталось нелегко. Я уже стар, на пенсии. Твои двоюродные братья и сестры – люди с положением в обществе... К тому же денежный долг надо возвращать, а за убийство следует отвечать своей жизнью. Это – непреложная истина.

Судья сказал:

– Я понимаю... Дядя, берегите здоровье!» [2, с. 54].

Из приведенного диалога становится вполне очевидной лицемерная натура судьи. Он не выражает никаких человеческих чувств по отношению к подсудимому, которому сломал жизнь, к его горю и его страданию. Авторский комментарий свидетельствует о полной деградации личности судьи, если искуплением своего непростительного ни Богом, ни людьми греха он считает возможность

лишь отсрочить на какое-то время приговор к смертной казни. Фактически, это единственное за весь текст прикосновение судьи к судьбе несчастного Чэнь Цзэво, но и здесь он думает лишь о том, как выгородить себя и не пострадать. Зато свой страх он выражает и эксплицитно «Я боюсь...», и имплицитно через различные незначительные вопросы к дяде, и недосказы. Паузы в разговоре также говорят не в пользу судьи, сломленный страхом, он не в состоянии правильно оценить обстановку и принять мудрое решение.

Стоит обратить внимание на реплику дяди о родственниках племянника, которые занимают почетное положение в обществе. Его слова изобличают порочную сущность всей семьи, ведь дядя явно оправдывает своего племянника: «Все, что у тебя сейчас есть, досталось нелегко». Импликатура этого предложения заключается в том, что и другие члены семьи обрели лицо в своем социуме тоже нечестным путем. Но их положение в настоящий момент более стабильно, чем у судьи Чэнь Цзэво. Расширению лингвокогнитивного знания о системе правосудия в Китае служит фраза дяди о том, что «за убийство следует отвечать своей жизнью». Не приходила ли к нему когда-нибудь мысль о том, что совершенный им с племянником подлог тоже является убийством? Убиты мечты талантливого юноши, который заслуженно получил высокие оценки при поступлении в университет. Убиты мечты его родителей, которым после окончания университета сын мог бы обеспечить новую жизнь. Убито будущее сына настоящего Чэнь Цзэво, а его отец мечтал о том, чтобы сын продолжил образование в университете, но после ареста отца сын стал хуже учиться и уже не входил в тридцатку самых лучших учеников своей школы. Возможно, что-то и изменится в судьбе сына благодаря вмешательству Чэнь Гэньина в его судьбу, но ответ на этот вопрос остается за рамками рассказа, вся фабула которого разоблачает преступления и ложь людей «с положением в обществе», исповедующих конфуцианство. Добродетельное отношение к человеку, особенно к более низкому по социальному статусу, в китайской социокультуре отсутствует, т.е. китайцы в реальной жизни не придерживаются аксиомы «относись к другим так, как хочешь, чтобы относились к тебе» [8].

В заключение можно сделать главный вывод о том, что грех в китайской концептосфере предстает как устойчивая когнитивная модель, воспроизводимая в текстах философского, лингвистического, культурологического содержания, в художественной литературе и в повседневной речевой практике носителей языка. При этом в данной национальной концептосфере преобладает востребованная устойчивая связка «грех – преступление», о чем свидетельствуют языковые и литературные данные, представленные нами выше. Думается, что это еще раз косвенным образом подтверждает особенность китайского и русского концептов «грех», ярко выраженную в оппозиции двух известных речений, вынесенных в качестве эпиграфа в начале статьи.

1. Апресян В.Ю. Опыт кластерного анализа: русские и английские эмоциональные концепты // Вопросы языкознания. 2011. № 1. С. 19–51.

2. Ван Шиюэ. Грехи человеческие // *Времена и нравы: сборник / кол. авт.; пер. с кит.; отв. ред. и сост. А.А. Родионов. СПб.: Гиперион, 2017. 516 с.*
3. Вежбицкая А. Язык, культура, познание / пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз, вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
4. Вернер Э. Мифы и легенды Китая = *Myths and legends of China / Эдвард Вернер; пер. с англ. С. Федорова. М.: Центрполиграф, 2005. 363 с.*
5. Вэй Сяоин, Мышинский А.А. Некоторые проблемы понимания Евангелия: взгляд китайского интеллигента // *Китай: история и современность: материалы VI междунар. науч.-практ. конф., Екатеринбург, 20–21 нояб. 2012 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 39–47.*
6. Детерминизм и его критики [Электронный ресурс]. URL: http://libertarium.ru/lib_evolut_05.
7. Линь Юйтан. Китайцы: моя страна и мой народ / пер. с кит. и предисл. Н.А. Спешнева. М.: Вост. лит., 2010. 335 с.
8. Лопаткин А. Китайский менталитет: иероглифический, конфуцианский, культурно-революционный [Электронный ресурс]. URL: <https://alexeylopatkin.livejournal.com/>.
9. Сайгин В.В. Эволюция концепта «грех» в современном русском языке (по данным национального корпуса русского языка) // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2013. № 6 (2). С. 210–213.*
10. Сайгин В.В. Особенности дискурсивной реализации ядерных компонентов концептуального поля // *Коммуникативные исследования. Омск: Омский гос. ун-т им. Ф.М. Достоевского, 2017. №1 (11). С. 123–132.*
11. *Словарь иностранных слов. – 18-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1989. 624 с.*
12. Спешнев Н.А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: Каро, 2017. 336 с.
13. Филиппов А.К. Лингвистика текста: курс лекций. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2003. 336 с.
14. Цзян Вэй. Сравнительная характеристика ключевых ценностей и представлений христианской и конфуцианской культур / пер. с кит. А.А. Харитошкиной // *Китай: история и современность: материалы VI междунар. научно-практ. конф., Екатеринбург, 20–21 нояб. 2012 г. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2013. С. 79–82.*
15. Molodykh V.I., Leontieva T.I. Specificity of lie and deceit in modern Chinese artistic discourse (в печати).
16. Ян Хин-Шун (ред.) *Древнекитайская философия: в 2 т. М.: Мысль, 1972–1973. Т.1. 363 с.*
17. 王十月. 《人罪》// http://blog.sina.com.cn/s/blog_7a5f017d0102w6xf.html -- 《江南》2014年第5期.

Транслитерация

1. Apresyan V.Yu. Opyt klaster'nogo analiza: russkie i angliiskie emotsional'nye kontsepty. *Voprosy yazykoznanija*, 2011, No 1, pp.19–51.
2. Wang Shiyue. Grekhi chelovecheskie. Vremena i nrawy (sbornik). Kollektiv avtorov. Per. s kitaiskogo; отв. red. i sost. A.A. Rodionov. SPb.: Giperion, 2017. 516 p.
3. Vezhbitskaya A. Yazyk, kul'tura, poznanie. Per. s angl., отв. red. M.A. Krongauz, vstup. st. Ye.V. Paduchevoi. M.: Russkie slovari, 1996. 416 p.

4. Verner E. Mify i legendy kitaia = Myths and legends of China / Edvard Verner; [Per. s angl. S. Fyodorova]. M.: Tsentrpoligraf, 2005. 363 p.
5. Wei Sjaung, Myshinsky A.A. Nekotorye problemy ponimaniya Evangeliya: vzglyad kitaiskogo intelligenta. *Kitai: Istoriya i sovremennost': Materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 20-21 noyab. 2012*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013, pp.39-47.
6. Determinizm i yego kritiki. URL: http://libertarium.ru/lib_evolut_05.
7. Lin Yütang. Kitaitsy: moya strana i moi narod / Lin Yütang; per. s kit. i predislovie N.A. Speshneva. M.: Vost. Lit., 2010. 335 p.
8. Lopatkin A. Kitaiskiy mentalitet: ieroglificheskii, konfutsianskiy, kul'turno-revolutsionnyi. Blog Alexeya Lopatkina. <https://alexeylopatkin.livejournal.com/>
9. Saigin V.V. Evolutsiya kontsepta "grekh" v sovremennom russkom yazyke (po dannyy natsional'nogo korpusa russkogo yazyka). *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*, 2013, No 6(2), pp. 210–213.
10. Saigin V.V. Osobennosti diskursivnoi realizatsii yadernykh komponentov kontseptual'nogo polya. *Kommunikativnye issledovaniya: Omskiy gosudarstvennyi universitet im. F.M. Dostoyevskogo*. Omsk, 2017, № 1(11), pp. 123–132.
11. Slovar' inostrannykh slov. 18-ye izd., ster. M.: Rus. jaz., 1989. 624 p.
12. Speshnev N.A. Kitaitsy. Osobennosti natsional'noi psikhologii. SPb.: Karo, 2017. 336 p.
13. Filippov A.K. Lingvistika teksta: Kurs lektsiy. SPb.: Izd-vo S.-Petersb. un-ta, 2003. 336 p.
14. Jiang Wei. Sravnitel'naya kharakteristika klyuchevykh tsennostei i predstavleniy khristianskoi i konfutsianskoi kul'tur. Perevod s kitaiskogo A.A. Haritoshkinoi. *Kitai: Istoriya i sovremennost': Materialy IV mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Ekaterinburg, 20-21 noyab. 2012*. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2013, pp.79-82.
15. Molodykh V.I., Leontieva T.I. Specificity of lie and deceit in modern Chinese artistic discourse (in print).
16. Yan Khin-Shun (red.) Drevnekitaiskaya filosofiya. V dvukh tomakh. M.: Mysl', 1972-1973. T.1, 363 p. T.2, 384 p.
17. 王十月.《人罪》// http://blog.sina.com.cn/s/blog_7a5f017d0102w6xf.html --《江南》2014年第5期

© В.И. Молодых, 2018

© Т.И. Леонтьева, 2018

Для цитирования: Молодых В.И., Леонтьева Т.И. О концепте «грех» в китайской лингвокультуре // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2018. Т. 10. № 2. С. 167–177.

For citation: Molodykh V.I., Leontieva T.I. Russian model of juvenile justice: problems of effective functioning and the ways of their elimination, *The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University of Economics and Service*, 2018, Vol. 10, No2, pp. 167–177.

DOI dx.doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2018-2/167-177

Дата поступления: 19.06.2018.